

ТАДЖИКИСТАН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРАНОМ И ТАДЖИКИСТАНОМ

Научная статья

А.Р. Мирзоева

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
E-mail: mirzoeva-ar@rudn.ru*

Р.М. Мирзоева

*Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе (МГРИ)
Москва, Российская Федерация
E-mail: mirzoeva-ar@rudn.ru*

В статье рассматривается влияние национальной идентичности на развитие двусторонних отношений между Ираном и Таджикистаном. Анализируется историческая общность двух народов, основанная на общем языковом, культурном и цивилизационном наследии, а также различия, сформированные в результате политических и геополитических трансформаций XX в. Особое внимание уделено периоду политического охлаждения в 2010-х гг. и последующему этапу сближения, начавшемуся с приходом к власти Масуда Пезешкиана в 2024 г. Рассматриваются ключевые факторы, способствующие укреплению таджикско-иранского сотрудничества, включая культурную дипломатию, экономические связи и региональные интеграционные инициативы. Отдельно анализируются стратегические направления двустороннего взаимодействия, такие как отмена визового режима, развитие инвестиционных проектов в сфере энергетики и транспорта, а также углубление научно-образовательных связей. Также рассматриваются вызовы, с которыми сталкиваются страны, включая международные санкции, влияние третьих государств и необходимость выработки долгосрочных механизмов устойчивого сотрудничества. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что таджикско-иранские отношения вступили в новую фазу, характеризующуюся не только экономическим прагматизмом, но и усилением культурного и дипломатического взаимодействия. В перспективе дальнейшее развитие отношений будет зависеть от способности сторон эффективно использовать историко-культурный фактор и адаптироваться к изменяющимся геополитическим реалиям.

Ключевые слова: *Таджикистан, Иран, национальная идентичность, культурная дипломатия, геополитика, двусторонние отношения.*

Для цитирования: *Мирзоева А.Р., Мирзоева Р.М. Национальная идентичность как фактор двусторонних отношений между Ираном и Таджикистаном // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 1. С. 118–128.*

NATIONAL IDENTITY AS A FACTOR IN BILATERAL RELATIONS BETWEEN IRAN AND TAJIKISTAN

Research article

A.R. Mirzoeva

*RUDN University named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
E-mail: mirzoeva-ar@rudn.ru*

R.M. Mirzoeva

*Sergo Ordzhonikidze Russian State Geological Prospecting University
Moscow, Russian Federation
E-mail: mirzoeva-ar@rudn.ru*

The article examines the impact of national identity on the development of bilateral relations between Iran and Tajikistan. It analyzes the historical commonalities of the two nations, based on shared linguistic, cultural, and civilizational heritage, as well as the differences formed as a result of political and geopolitical transformations in the 20th century. Special attention is given to the period of political cooling in the 2010s and the subsequent phase of rapprochement, which began with the election of Masoud Pezeshkian as Iran's president in 2024. The study explores key factors contributing to the strengthening of Tajik-Iranian cooperation, including cultural diplomacy, economic ties, and regional integration initiatives. The article also examines strategic areas of bilateral cooperation, such as the abolition of the visa regime, the development of investment projects in the energy and transport sectors, and the deepening of scientific and educational exchanges. Additionally, it discusses the challenges facing both countries, including international sanctions, the influence of third-party states, and the need to establish long-term mechanisms for sustainable cooperation. Based on the conducted analysis, the study concludes that Tajik-Iranian relations have entered a new phase characterized not only by economic pragmatism but also by enhanced cultural and diplomatic interaction. The future development of relations will depend on the ability of both sides to effectively utilize their historical and cultural ties while adapting to changing geopolitical realities.

Key words: *Tajikistan, Iran, national identity, cultural diplomacy, geopolitics, bilateral relations.*

For citation: *Mirzoeva A.R., Mirzoeva R.M. National identity as a factor in bilateral relations between Iran and Tajikistan // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 1. P. 118–128. (In Russ.)*

Введение. Национальная идентичность является важнейшим фактором, влияющим на формирование внешнеполитических стратегий государства. В международных отношениях этнокультурная близость может выступать как объединяющим, так и разделяющим элементом. Взаимоотношения между Ираном и Таджикистаном демонстрируют сложную динамику, в которой историко-культурное родство сочетается с политическими и идеологическими разногласиями.

Таджикистан является единственной персоязычной страной в Центральной Азии, а его культура и язык тесно связаны с иранским цивилизационным пространством. Несмотря на это, национальная идентичность таджиков претерпела значительные изменения в XX в. вследствие политики Советского Союза, направленной на отделение таджикского этноса от персидского мира. Введение кириллического алфавита,

распространение русского языка и советская идеологическая система способствовали созданию уникальной таджикской идентичности, отличной от иранской. В свою очередь, Иран, позиционируя себя как центр персоязычного мира, использует культурную и историческую близость с Таджикистаном для продвижения своих политических и экономических интересов [Kazemi, Ajdari, 2013].

После распада СССР в 1991 г. Таджикистан столкнулся с необходимостью формирования самостоятельной национальной идентичности, что неизбежно отразилось на его международных отношениях. В первое десятилетие независимости Душанбе стремился к сближению с Тегераном, что проявилось в активном культурном и экономическом сотрудничестве, а также в дипломатической поддержке со стороны Ирана во время гражданской войны (1992–1997). Однако в последующие годы таджикско-

иранские отношения претерпели серьезные изменения: политическая напряженность, обусловленная поддержкой Тегераном Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), экономические трудности и влияние внешних акторов привели к периоду охлаждения [Clark, 2015].

В последние годы наблюдается новая тенденция к сближению Таджикистана и Ирана, что проявляется в росте торгово-экономического сотрудничества, подписании долгосрочных соглашений и отмене визового режима¹. В связи с этим изучение роли национальной идентичности в формировании двусторонних отношений приобретает особую актуальность, позволяя лучше понять динамику дипломатического взаимодействия между двумя странами.

Историко-культурные связи как основа национальной идентичности. Общие исторические корни. Этногенез таджиков тесно связан с многовековой эволюцией персидской цивилизации, влияние которой на территории современного Таджикистана прослеживается с древности. Регион Центральной Азии, особенно исторические области Согдианы и Бактрии, на протяжении веков находился в поле иранского культурного и политического воздействия, что способствовало формированию общего языкового и социокультурного пространства [Файзалиев, 2014].

В эпоху Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) территории Средней Азии были включены в состав Персидской империи. Это привело к развитию единой административной системы и укреплению персидских культурных кодов среди местных народов. Впоследствии Парфянская (III в. до н.э. – III в. н.э.) и Сасанидская (224–651 гг. н.э.) империи продолжили этот процесс, закрепив иранское культурное доминирование в регионе [Курбанов, 2021].

С приходом арабов в VII–VIII вв. исламизация региона не привела к полному разрушению персидской культурной традиции. Напротив, на основе староиранского

лингвистического субстрата начал формироваться новый литературный язык – фарси адаби, который позднее лег в основу как классического персидского языка, так и современного таджикского языка [Гаффарова, 2022]. Эпоха Саманидов (IX–X вв.) сыграла решающую роль в развитии литературного персидско-таджикского наследия: в этот период творили такие авторы, как Рудаки, Фирдоуси и Авиценна, чьи труды стали фундаментальными для иранской и таджикской литературных традиций [Шукурова, 2022].

Несмотря на политические трансформации и завоевания XIII в., таджики сохранили свою самобытность, оставаясь частью персидского культурного пространства. В последующие столетия влияние османских, русских и советских институтов способствовало определенной трансформации национальной идентичности таджиков, однако ключевые элементы персидского цивилизационного наследия продолжали играть важную роль в их самоидентификации [Полищук, 2022]. Таджикский народ, пройдя сложный путь исторического развития, сохранил свою связь с персидской культурой, что обусловило его уникальное положение в Центральной Азии. Современные таджикско-иранские отношения, несмотря на политические колебания, в значительной степени определяются именно этим многовековым историко-культурным взаимодействием.

Ключевую роль в формировании таджикской идентичности сыграл период Саманидов (IX–X вв.), когда Бухара стала центром персидской культуры и науки. Именно в это время зародился классический персидский язык (фарси), который позднее стал основой литературного языка Ирана. После монгольского нашествия (XIII в.) и последующего установления тюркских династий таджики утратили свою государственность, но сохранили культурное и лингвистическое наследие, что позволило им сохранить свою самобытность. Однако политическая раздробленность привела к тому, что в XIX в. территории современных Таджикистана и Узбекистана вошли в состав Российской империи, а затем – СССР, тогда как Иран сохранил свою независи-

¹ Масуд Пезешкиан пригласил Эмомали Рахмона посетить Иран. URL: <https://pressa.tj/masud-pezeshekian-priglasil-emomali-rahmona-posetit-iran> (дата обращения 9.02.2025).

мость, что впоследствии привело к формированию разных моделей национальной идентичности [Nourzhanov, 2012].

Несмотря на различия в политическом развитии, таджикский и иранский народы продолжают разделять общий язык и культурные традиции. После включения Таджикистана в состав СССР лингвистическая политика претерпела значительные изменения, в рамках которых традиционная персидская письменность (арабо-персидская графика) была сначала заменена на латиницу (в 1928 г.), а затем – на кириллический алфавит (в 1940 г.). Эта реформа оказала существенное влияние на развитие таджикского языка, поскольку кириллическая система письма, адаптированная под русский язык, не включала ряд фонем, характерных для персидского языка [Файзалиев, 2014].

Одним из наиболее заметных изменений в фонетической системе таджикского языка стало замещение протяженного гласного /a:/, характерного для классического персидского языка, на более закрытый вариант /o/. В результате слова, сохранившиеся в иранском варианте фарси в своей изначальной форме (например, *bālā* – высоко), в таджикском языке приобрели вид *bolo* [Гаффарова, 2022].

Это решение имело далеко идущие последствия: началась трансформация таджикской идентичности с позиции геополитического фактора.

В постсоветский период Иран пытался использовать фактор языкового единства для укрепления своего влияния в Таджикистане. С 1990-х гг. в Душанбе открылись культурные центры, финансируемые Тегераном, а в иранских университетах появились программы для таджикских студентов. Однако таджикское правительство, опасаясь усиления влияния Ирана, ограничило эти инициативы, что стало одной из причин охлаждения отношений в 2010-е гг. [Anderson, 2019].

Еще одним аспектом, влияющим на таджикско-иранские отношения, является религиозный фактор. Хотя обе страны являются мусульманскими, конфессиональные различия играют значительную роль в политическом взаимодействии. В Иране

преобладает шиитский ислам, тогда как подавляющее большинство таджиков являются суннитами.

В 1990-е гг. Иран оказывал поддержку исламским группировкам в Таджикистане, что вызывало обеспокоенность Душанбе. В частности, Тегеран поддерживал ПИВТ, что привело к дипломатическим разногласиям между двумя странами. В 2015 г. власти Таджикистана запретили деятельность ПИВТ, обвинив ее в попытке госпереворота, а Иран предоставил политическое убежище ее лидерам [Clark, 2015]. Этот эпизод стал одним из наиболее значительных кризисов в таджикско-иранских отношениях.

Однако в последние годы религиозный фактор постепенно отходит на второй план, поскольку стороны ищут альтернативные пути взаимодействия и стремятся выстраивать диалог на основе прагматичных экономических и политических интересов. В этом контексте совместные проекты в сферах торговли, энергетики и образования становятся приоритетными направлениями сотрудничества, способствуя укреплению двусторонних отношений и восстановлению дипломатического взаимодействия между Таджикистаном и Ираном.

Национальная идентичность представляет собой многогранное явление, включающее в себя культурные, исторические, языковые и религиозные элементы, которые формируют коллективное самосознание народа. В контексте международных отношений национальная идентичность может выступать как фактор сближения, так и как причина политических разногласий между государствами [Файзалиев, 2014].

Современная научная литература рассматривает национальную идентичность как динамичную конструкцию, подверженную влиянию исторических событий, государственной политики и международных процессов. Взаимодействие национальной идентичности с внешнеполитическими приоритетами особенно заметно в странах с общим историко-культурным наследием, таких как Иран и Таджикистан. Их отношения во многом определяются стремлением сохранить и укрепить собственную национальную самобытность при одновременном выстраивании конструктивного

внешнеполитического диалога [Курбанов, 2021].

Национальная идентичность представляет собой многослойное явление, включающее в себя исторические, культурные, языковые и религиозные элементы, формирующие коллективное самосознание народа. В международных отношениях она может выступать как объединяющим, так и разделяющим фактором, определяя стратегические приоритеты государства, его внешнеполитическую ориентацию и восприятие себя на международной арене. Взаимоотношения между Таджикистаном и Ираном являются наглядным примером того, как общие культурные корни и языковая идентичность могут сочетаться с различиями в политических моделях и внешнеполитических курсах, формируя сложную динамику двусторонних отношений.

Исторически таджикский народ являлся частью персидского мира, что нашло отражение в языке, литературе, религиозных традициях и социальной организации. С эпохи Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) и до конца Сасанидского периода (224–651 гг.) территории современной Средней Азии, включая Бактрию и Согдиану, входили в состав иранских государств, что обеспечило их интеграцию в единое культурное пространство. После арабского завоевания в VII–VIII вв. исламизация региона не привела к полной потере персидской идентичности, а, напротив, способствовала формированию нового варианта персидского языка – дари, который стал основой для развития таджикского языка.

Ключевым этапом в формировании таджикской идентичности стала эпоха Саманидов (IX–X вв.), когда Бухара превратилась в центр персидско-таджикской культуры и науки. Именно в этот период заложились основы современной таджикской литературы, что подтверждается творчеством таких авторов, как Рудаки, Фирдоуси и Авиценна. Однако дальнейшая политическая раздробленность региона, усиление тюркского влияния и включение таджикских земель в состав Российской империи, а затем – СССР, привели к постепенной трансформации национальной идентичности таджиков.

Несмотря на общее происхождение с персидским (фарси) и афганским (дари), таджикский язык является *самостоятельным языком* [Нозимов, Шахлои, 2019], который развивался под влиянием различных факторов, включая долгий период нахождения в составе СССР. В отличие от фарси и дари, таджикский язык использует *кириллический алфавит*, что значительно повлияло на его орфографическую и фонетическую системы. Кроме того, длительный контакт с русским языком привел к заимствованию большого количества русизмов и изменению ряда грамматических структур.

Однако дальнейшие исторические процессы способствовали дифференциации таджикской и иранской идентичностей. В то время как Иран, обладая значительными природными ресурсами и сохраняя независимость, смог выстроить политику, направленную на сохранение и укрепление своей национальной идентичности, таджики оказались в совершенно иной ситуации, являясь одной из республик СССР.

В отличие от Таджикистана, Иран смог сохранить свою языковую традицию, продолжая использовать арабо-персидское письмо, что обеспечило преемственность культурного и литературного развития. Кроме того, несмотря на периоды колониального давления и западных санкций, Иран оставался суверенным государством, что позволяло ему самостоятельно определять вектор своей культурной политики. Особенно ярко этот процесс проявился после Исламской революции 1979 г., когда новая власть взяла курс на укрепление национальной идентичности и противостояние западному влиянию.

После революции культурная политика Ирана приобрела ярко выраженный *идеологический и цивилизационный характер*, став неотъемлемой частью государственной стратегии. Основной целью стало *возвращение к исламским и национальным корням*, что включало не только языковую политику, но и *глубокую трансформацию общественной, образовательной и культурной сфер*. Были предприняты масштабные меры по *искоренению западного влияния во всех аспектах жизни*, включая искусство, систему образования, правовые нормы и социальные институты.

Одним из ключевых направлений новой культурной политики стало усиление *исламского и национального самосознания*, что привело к значительным изменениям в системе образования и общественной морали. Учебные программы были пересмотрены с акцентом на исламскую философию, шиитскую доктрину и героизацию прошлого Ирана. Литература, искусство и кинематограф подверглись строгой цензуре, а религиозные нормы стали неотъемлемой частью общественной жизни. Были созданы институты *исламской пропаганды*, которые занимались распространением идеологии революции не только внутри страны, но и за ее пределами, в том числе в странах Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

Важную роль в этой стратегии сыграла концепция *«исламского возрождения»*, согласно которой модернизация должна была основываться не на заимствованиях из Запада, а на собственных традиционных и религиозных ценностях. Политика *«возвращения к корням»* предполагала *реинтерпретацию истории Ирана*, в которой ключевая роль отводилась исламской идентичности, а доисламское прошлое, за исключением отдельных аспектов, постепенно уходило на второй план.

Таким образом, Исламская революция стала не просто политическим переворотом, а фундаментальной перестройкой иранского общества, в рамках которой национальная идентичность обрела новое идеологическое наполнение. В отличие от Таджикистана, находившегося в составе СССР и прошедшего через процессы секуляризации, русификации и идеологической трансформации, Иран выбрал путь *консервативного национально-религиозного возрождения*, основываясь на принципах Ислама шиитского толка, что сделало его уникальным феноменом в мировой истории.

На протяжении последних десятилетий таджикско-иранские отношения проходили через периоды как активного сотрудничества, так и дипломатического охлаждения. Однако в 2024 г. с приходом к власти Президента Ирана Масуда Пезешкиана двусторонние связи получили новый импульс. В отличие от своего предшественника Ибрахима Раиси, чья политика в Центральной

Азии носила сдержанный характер, Пезешкиан обозначил курс на укрепление связей с персоязычными народами, рассматривая Таджикистан как стратегического партнера.

Подход нового Президента Ирана основан на принципе культурно-исторического сближения, что проявилось уже в первые месяцы его правления. Одним из первых шагов в этом направлении стал его официальный визит в Душанбе в 2024 г., который продемонстрировал готовность Ирана восстановить доверие и расширить сотрудничество с Таджикистаном. В ходе переговоров между Пезешкианом и Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном были подписаны более 20 соглашений, охватывающих такие сферы, как экономика, энергетика, транспорт, образование и культура¹.

Значительным событием в двусторонних отношениях стало принятие решения об отмене визового режима, что вступило в силу сразу после визита Пезешкиана. Этот шаг не только облегчает передвижение граждан двух стран, но и открывает новые возможности для развития экономического, образовательного и туристического сотрудничества.

Особое внимание в политике Пезешкиана уделяется культурной дипломатии, что отличает его от предыдущих лидеров Ирана. В этом контексте его личное участие в вечере персидской поэзии, организованном в Душанбе, приобрело важное символическое значение. В ходе мероприятия, проведенного в 2024 г., Масуд Пезешкиан и Эмомали Рахмон зачитали произведения из персидской поэзии, что продемонстрировало единое начало двух народов. Этот культурный жест был воспринят как свидетельство стремления Ирана к более тесному взаимодействию с Таджикистаном.

Одним из ключевых направлений таджикско-иранского сближения стало разви-

¹ Эмомали Рахмон и Масуд Пезешкиан обсудили перспективы партнерства Таджикистана и Ирана. По итогам госвизита подписано более 20 документов. URL: <https://tj.mir24.tv/news/16622592/emomali-rahmon-i-masud-pezeshkian-obsudili-perspektivy-partnerstva-tadzhikistana-i-irana.-po-itogam-gosvizona-podpisano-bolee-20-dokumentov> (дата обращения: 07.02.2025).

тие торгово-экономического партнерства. В 2024 г. стороны достигли договоренности о значительном увеличении взаимного товарооборота. Особый акцент был сделан на инвестиционные проекты в сфере энергетики и промышленности. В рамках соглашений, заключенных в 2024 г., Иран взял на себя обязательства по финансированию модернизации таджикских гидроэлектростанций, а также рассматривается возможность строительства новых объектов с участием иранского капитала. В свою очередь, Душанбе заинтересован в иранских технологиях, которые могут способствовать укреплению энергетической независимости страны.

Существенное внимание уделяется сотрудничеству в транспортно-логистической сфере. Одним из стратегических проектов, инициированных в период президентства Пезешкиана, стало соглашение о расширении доступа Таджикистана к портовой инфраструктуре Ирана, в частности, к порту Чабахар. Это открывает для Душанбе новые возможности выхода на международные рынки, снижая зависимость от традиционных маршрутов через третьи страны.

В отличие от своих предшественников, Пезешкиан рассматривает культурное взаимодействие как важнейший элемент внешней политики Ирана. Он активно продвигает идею интеграции персоязычного мира, что особенно ярко проявляется в его подходе к отношениям с Таджикистаном. Одним из значимых итогов его визита в Душанбе стало подписание меморандума о расширении образовательного сотрудничества, предусматривающего увеличение квот для таджикских студентов в иранских вузах. Кроме того, планируется создание совместных образовательных программ в таких сферах, как технические и гуманитарные науки.

Не менее важным шагом стало соглашение о развитии научных обменов. В 2024 г. Таджикистан и Иран договорились о проведении совместных исследовательских программ в области истории, лингвистики и исламских исследований. Эти инициативы направлены не только на укрепление академических связей, но и на формирование общего научного дискурса, в котором таджикские и иранские исследователи мо-

гут обмениваться знаниями и совместно работать над актуальными темами¹.

Несмотря на активное сближение при Пезешкиане, таджикско-иранские отношения сталкиваются с рядом вызовов. Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие двустороннего сотрудничества, остаются международные санкции против Ирана, которые создают определенные ограничения для реализации некоторых совместных экономических проектов. Душанбе вынужден избирать достаточно гибкую политику.

Еще одной проблемой является конкуренция со стороны других региональных игроков. В последние годы Китай, Турция и страны Персидского залива значительно активизировали свое экономическое присутствие в Центральной Азии, предлагая выгодные инвестиционные условия. В этом контексте Ирану необходимо предлагать более привлекательные экономические инициативы, чтобы сохранить свою значимость для Душанбе.

Несмотря на эти вызовы, перспективы таджикско-иранских отношений выглядят благоприятными. Приход к власти Пезешкиана стал важным фактором, который придал двустороннему сотрудничеству новый импульс.

В ближайшие годы ожидается дальнейшее развитие контактов между странами, в том числе в таких направлениях, как:

- расширение инвестиционных проектов в энергетике, промышленности и инфраструктуре;
- углубление образовательных и научных связей, включая создание совместных исследовательских центров;
- развитие транспортной логистики, связанной с выходом таджикских товаров через иранские порты;
- дальнейшее упрощение визового режима и стимулирование культурных и туристических обменов.

Выводы. Таджикско-иранские отношения представляют собой динамичный процесс, в котором культурно-историчес-

¹ Рахмон и Пезешкиан договорились наращивать экономическое сотрудничество. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20240924/rahmon-i-pezeshekian-dogovorilis-naratshivat-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 05.02.2025).

кая общность сочетается с политическими и геополитическими вызовами. Несмотря на периоды охлаждения, их взаимодействие в последние годы демонстрирует тенденцию к сближению, что во многом обусловлено изменениями в стратегических приоритетах обоих государств.

Национальная идентичность остается ключевым фактором, определяющим характер двусторонних отношений. В то время как Иран смог сохранить преемственность своей культурной и языковой политики, Таджикистан, пройдя через советский этап национального строительства, адапти-

ровал свою идентичность в соответствии с новой политической реальностью. Тем не менее фундаментальные элементы общей цивилизационной основы продолжают играть важную роль в формировании сотрудничества.

С приходом к власти Масуда Пезешкиана в 2024 г. таджикско-иранские отношения получили новый импульс. Визиты на высшем уровне, отмена визового режима, рост объемов торговли и расширение культурных инициатив свидетельствуют о стремлении сторон к укреплению взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдылдаева М.А. Центральная Азия в мировой системе и влияние персидской культуры на регион // Центральноазиатские международные исследования. 2019. № 6. С. 90–105.
- Гаффарова У.А. Роль иранцев в развитии арабо-мусульманской культуры // Центральноазиатские исследования. 2022. № 3 (27). С. 76–89.
- Джураев Х.У. Геополитические вызовы в таджикско-иранских отношениях: анализ влияния международных акторов // Мировая политика и региональная безопасность. 2022. № 9. С. 101–117.
- Курбанов М.М. Историческое влияние персидской культуры на развитие фольклора народов Южного Дагестана // Научный диалог. 2021. № 12. С. 109–125.
- Курылев К.П., Пархитыко Н.П., Станис Д.В. Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество государств Центральной Азии // Военная мысль. 2020. № 7. С. 22–39.
- Мамаджонов Д.А. Влияние религиозного фактора на таджикско-иранские отношения // Ислам и политика в Центральной Азии. 2023. № 4. С. 78–94.
- Мирзоев А.Б. Развитие экономического взаимодействия Таджикистана и Ирана в XXI веке // Вестник экономических исследований Центральной Азии. 2023. № 3. С. 128–143.
- Низомиддин М. Западный Китай и персидско-таджикская литература // Научный вестник Восточного института. 2020. № 5. С. 67–81.
- Нозимов А.А., Шахлои А.Т. Таджикский язык в сфере глобализации // Вестник Педагогического университета. 2019. № 4 (81). С. 27–30.
- Олимов Ф.К. Политика Ирана в Центральной Азии: стратегия и интересы // Геополитика и международные отношения Центральной Азии. 2024. № 2. С. 43–59.
- Полищук А.И. К вопросу об иранской идентичности // Журнал геополитических исследований. 2022. № 7 (15). С. 34–49.
- Рахматов К.Н. Влияние Ирана на политические процессы в Центральной Азии: анализ тенденций // Региональная политика и международные отношения. 2023. № 3. С. 87–102.
- Рахимов К.Х. Профилактика терроризма и экстремизма молодежи в системе образования стран ШОС // Духовно-нравственная культура в высшей школе. Студенческая молодежь, свобода и ответственность. М., 2019. С. 262–286.
- Рахимов К.Б. Политические аспекты таджикско-иранских отношений в постсоветский период // Центральная Азия и Кавказ. 2019. № 1. С. 90–105.
- Саидов Р.Т. Культурная дипломатия Ирана в Таджикистане: исторические и современные аспекты // Культура и международные отношения. 2024. № 1. С. 53–69.
- Шукурова С.Н. Вклад персидской и таджикской литературы в мировую культуру // Известия Академии наук Таджикистана. Серия гуманитарных наук. 2022. Т. 35. № 4. С. 142–157.
- Файзалиев Д.Х. Научно-педагогические достижения эпохи Саманидов как вклад в развитие цивилизации // Вестник исторических исследований. 2014. № 2. С. 45–58.
- Ahmadi H. Iran and Tajikistan: How culture and civilization fade in the shadow of politics and the political // Middle Eastern Studies Journal. 2019. Т. 12. № 3. Р. 45–63.
- Anderson L. Iran's New Cultural Nationalism: Iranian Cultural Diplomacy in Tajikistan // Cultural Diplomacy Review. 2019. Т. 7. № 1. Р. 68–85.

Clark B. The Islamic Republic of Iran's relations with the Republic of Tajikistan in the post-Soviet period // Research Papers on International Relations: a thesis submitted for the degree of doctor of philosophy of the Australian National University. 2015, September.

Foroughi P. Tajikistan: Nationalism, ethnicity, conflict and socio-economic disparities – sources and solutions // Journal of Eurasian Studies. 2002. Т. 11. № 4. P. 132–149.

Haghighi M. Persian Heritage and Tajiks' Ethnic and National Identities: The Effect of Common Cultural Identities on Tajik-Iranian Diplomatic and Cultural Relationships // Ethnicity and International Relations Review. 2023. Т. 16. № 2. P. 74–89.

Karimi M., Osuli Odhu Q. Iran's Foreign Policy toward Tajikistan: Exploring the Effective Factors // International Journal of Political Science and Diplomacy. 2023. Т. 18. № 4. P. 102–119.

Kazemi F., Ajdari Z. Ethnicity, Identity and Politics: Central Asia and Azerbaijan between Iran and Turkey // Central Asian Geopolitical Studies. 2013. Т. 10. № 1. P. 90–108.

Mesbahi M. Tajikistan, Iran and the international politics of the 'Islamic factor' // International Political Analysis. 1997. Т. 5. № 2. P. 23–41.

Nourzhanov K. Omnibalancing in Tajikistan's foreign policy: Security-driven discourses of alignment with Iran // Central Asian Political Review. 2012. Т. 9. № 3. P. 55–72.

Shakir M. Iran-Tajikistan relations: Internal and external challenges // Journal of Central Asian Studies. 2017. Т. 14. № 2. P. 87–104.

REFERENCES

Abdyldayeva M.A. Tsentral'naya Aziya v mirovoy sisteme i vliyaniye persidskoy kul'tury na region // Tsentral'noaziatskiye mezhdunarodnyye issledovaniya. 2019. № 6. S. 90–105. (In Russ.) [*Abdyldaeva M.A.* Central Asia in the World System and the Influence of Persian Culture on the Region // Central Asian International Studies. 2019. № 6. P. 90–105.]

Ahmadi H. Iran and Tajikistan: How culture and civilization fade in the shadow of politics and the political // Middle Eastern Studies Journal. 2019. Т. 12. № 3. P. 45–63.

Anderson L. Iran's New Cultural Nationalism: Iranian Cultural Diplomacy in Tajikistan // Cultural Diplomacy Review. 2019. Т. 7. № 1. P. 68–85.

Clark B. The Islamic Republic of Iran's relations with the Republic of Tajikistan in the post-Soviet period // Research Papers on International Relations: a thesis submitted for the degree of doctor of philosophy of the Australian National University. 2015, September.

Dzhurayev Kh.U. Geopoliticheskiye vyzovy v tadjihksko-iranskikh otnosheniyakh: analiz vliyaniya mezhdunarodnykh aktorov // Mirovaya politika i regional'naya bezopasnost'. 2022. № 9. S. 101–117. (In Russ.) [*Juraev H.U.* Geopolitical Challenges in Tajik-Iranian Relations: An Analysis of the Influence of International Actors // World Politics and Regional Security. 2022. № 9. P. 101–117.]

Fayzaliyev D.Kh. Nauchno-pedagogicheskiye dostizheniya epokhi Samanidov kak vklad v razvitiye tsiivilizatsii // Vestnik istoricheskikh issledovaniy. 2014. № 2. S. 45–58. (In Russ.) [*Fayzaliyev D.Kh.* Scientific and Pedagogical Achievements of the Samanid Era as a Contribution to the Development of Civilization // Bulletin of Historical Research. 2014. № 2. P. 45–58.]

Foroughi P. Tajikistan: Nationalism, ethnicity, conflict and socio-economic disparities – sources and solutions // Journal of Eurasian Studies. 2002. Т. 11. № 4. P. 132–149.

Gaffarova U.A. Rol' irantsev v razvitii arabo-musul'manskoy kul'tury // Tsentral'noaziatskiye issledovaniya. 2022. № 3 (27). S. 76–89. (In Russ.) [*Gaffarova U.A.* The Role of Iranians in the Development of Arab-Muslim Culture // Central Asian Studies. 2022. № 3 (27). P. 76–89.]

Haghighi M. Persian Heritage and Tajiks' Ethnic and National Identities: The Effect of Common Cultural Identities on Tajik-Iranian Diplomatic and Cultural Relationships // Ethnicity and International Relations Review. 2023. Т. 16. № 2. P. 74–89.

Karimi M., Osuli Odhu Q. Iran's Foreign Policy toward Tajikistan: Exploring the Effective Factors // International Journal of Political Science and Diplomacy. 2023. Т. 18. № 4. P. 102–119.

Kazemi F., Ajdari Z. Ethnicity, Identity and Politics: Central Asia and Azerbaijan between Iran and Turkey // Central Asian Geopolitical Studies. 2013. Т. 10. № 1. P. 90–108.

Kurbanov M.M. Istoricheskoye vliyaniye persidskoy kul'tury na razvitiye fol'klora narodov Yuzhnogo Dagestana // Nauchnyy dialog. 2021. № 12. S. 109–125. (In Russ.) [*Kurbanov M.M.* Historical Influence of Persian Culture on the Development of Folklore of the Peoples of Southern Dagestan // Scientific Dialogue. 2021. № 12. P. 109–125.]

Kurylev K.P., Parkhit'ko N.P., Stanis D.V. Voenno-politicheskaoye i voyenno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo gosudarstv Tsentral'noy Azii // *Voyennaya mysl'*. 2020. № 7. S. 22–39. (In Russ.) [*Kurylev K.P., Parkhitko N.P., Stanis D.V.* Military-political and military-technical cooperation of the Central Asian states // *Military Thought*. 2020. № 7. P. 22–39.]

Mamadzhonov D.A. Vliyaniye religioznogo faktora na tadjhisko-iranskiye otnosheniya // *Islam i politika v Tsentral'noy Azii*. 2023. № 4. S. 78–94. (In Russ.) [*Mamadzhonov D.A.* The influence of the religious factor on Tajik-Iranian relations // *Islam and Politics in Central Asia*. 2023. № 4. P. 78–94.]

Mesbahi M. Tajikistan, Iran and the international politics of the 'Islamic factor' // *International Political Analysis*. 1997. T. 5. № 2. P. 23–41.

Mirzoyev A.B. Razvitiye ekonomicheskogo vzaimodeystviya Tadjhikistana i Irana v XXI veke // *Vestnik ekonomicheskikh issledovaniy Tsentral'noy Azii*. 2023. № 3. S. 128–143. (In Russ.) [*Mirzoyev A.B.* Development of economic interaction between Tajikistan and Iran in the 21st century // *Bulletin of Economic Research of Central Asia*. 2023. № 3. P. 128–143.]

Nizomiddin M. Zapadnyy Kitay i persidsko-tadjhiskaya literatura // *Nauchnyy vestnik Vostochnogo instituta*. 2020. № 5. S. 67–81. (In Russ.) [*Nizomiddin M.* Western China and Persian-Tajik literature // *Scientific Bulletin of the Eastern Institute*. 2020. № 5. P. 67–81.]

Nourzhanov K. Omnibalancing in Tajikistan's foreign policy: Security-driven discourses of alignment with Iran // *Central Asian Political Review*. 2012. T. 9. № 3. P. 55–72.

Nozimov A.A., Shakhloi A.T. Tadjhiskiy yazyk v sfere globalizatsii // *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta*. 2019. № 4 (81). S. 27–30. (In Russ.) [*Nozimov A.A., Shakhloi A.T.* Tajik language in the sphere of globalization // *Bulletin of the Pedagogical University*. 2019. № 4 (81). P. 27–30.]

Olimov F.K. Politika Irana v Tsentral'noy Azii: strategiya i interesy // *Geopolitika i mezhdunarodnyye otnosheniya Tsentral'noy Azii*. 2024. № 2. S. 43–59. (In Russ.) [*Olimov F.K.* Iran's Policy in Central Asia: Strategy and Interests // *Geopolitics and International Relations of Central Asia*. 2024. № 2. P. 43–59.]

Polishchuk A.I. K voprosu ob iranskoj identichnosti // *Zhurnal geopoliticheskikh issledovaniy*. 2022. № 7 (15). S. 34–49. (In Russ.) [*Polishchuk A.I.* On the Issue of Iranian Identity // *Journal of Geopolitical Studies*. 2022. № 7 (15). P. 34–49.]

Rakhmatov K.N. Vliyaniye Irana na politicheskiye protsessy v Tsentral'noy Azii: analiz tendentsiy // *Regional'naya politika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2023. № 3. S. 87–102. (In Russ.) [*Rakhmatov K.N.* Iran's Influence on Political Processes in Central Asia: Analysis of Trends // *Regional Policy and International Relations*. 2023. № 3. P. 87–102.]

Rakhimov K.Kh. Profilaktika terrorizma i ekstremizma molodezhi v sisteme obrazovaniya stran SHOS // *Dukhovno-nravstvennaya kul'tura v vysshey shkole. Studencheskaya molodezh', svoboda i otvetstvennost'*. M., 2019. S. 262–286. (In Russ.) [*Rakhimov K.Kh.* Prevention of Terrorism and Youth Extremism in the Education System of the SCO Countries // *Spiritual and Moral Culture in Higher Education. Student Youth, Freedom and Responsibility*. M., 2019. P. 262–286.]

Rakhimov K.B. Politicheskiye aspekty tadjhisko-iranskikh otnosheniy v postsovet'skiy period // *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2019. № 1. S. 90–105. (In Russ.) [*Rakhimov K.B.* Political Aspects of Tajik-Iranian Relations in the Post-Soviet Period // *Central Asia and the Caucasus*. 2019. № 1. P. 90–105.]

Saidov R.T. Kul'turnaya diplomatiya Irana v Tadjhikistane: istoricheskiye i sovremen-nyye aspekty // *Kul'tura i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2024. № 1. S. 53–69. (In Russ.) [*Saidov R.T.* Cultural Diplomacy of Iran in Tajikistan: Historical and Modern Aspects // *Culture and International Relations*. 2024. № 1. P. 53–69.]

Shakir M. Iran-Tajikistan relations: Internal and external challenges // *Journal of Central Asian Studies*. 2017. T. 14. № 2. P. 87–104.

Shukurova S.N. Vklad persidskoy i tadjhiskoy literatury v mirovuyu kul'turu // *Izvestiya Akademii nauk Tadjhikistana. Seriya gumanitarnykh nauk*. 2022. T. 35. № 4. S. 142–157. (In Russ.) [*Shukurova S.N.* The Contribution of Persian and Tajik Literature to World Culture // *Bulletin of the Academy of Sciences of Tajikistan. Series of Humanities*. 2022. Vol. 35. № 4. P. 142–157.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мирзоева Александра Раводжевна, ассистент кафедры востоковедения и африканистики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).
E-mail: mirzoeva-ar@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandra R. Mirzoeva, assistant professor of the Department of Oriental and African Studies of RUDN University named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).
E-mail: mirzoeva-ar@rudn.ru

Мирзоева Римма Михайловна, доцент кафедры русского и иностранных языков Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе (МГРИ) (Москва, Российская Федерация).

E-mail: mirzoeva-ar@rudn.ru

Rimma M. Mirzoeva, associate professor of the Department of Russian and Foreign Languages of Sergo Ordzhonikidze Russian State Geological Prospecting University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: mirzoeva-ar@rudn.ru